

Гегель в действии. №12

В 1945 ГОДУ ПОБЕДИЛИ "МЫ" ИЛИ "НАШИ"?

Заданный обыденному сознанию данный вопрос порождает следующие ответы, в зависимости от ассоциированных чувств: "это - одно и то же", "это - демагогия", "тут - тонкая разница", "очень сложно разобраться", "ты же тогда не жил, чтобы говорить - "мы", поэтому говори - "наши"". Давайте же углубимся в те **чувственные ассоциации слов**, которые составляют историческое накопление в нашем обыденном мышлении, в результате практической жизни человечества. "Углубление" означает раскрытие логики в этих "чувственных ассоциациях слов", что будет снятием обыденного мышления в научном мышлении ("Снятие" - отрицание в новом старого с удержанием существенного из старого.)¹. Первым шагом в этом "углублении" рефлектируем, что речь, по-видимому, идёт о причастности человека, употребляющего в данном контексте "мы" или "наши", собственно к "нашим" (то есть к тем, которые - "мы").

Когда говорят, что в 45-ом победили "наши", а не "мы", то происходит дистанцирование от победившего советского народа: есть "мы", а есть другие "хорошие парни", которые сделали для нас доброе дело. Например, если я говорю: "наша футбольная команда одержала победу", то тем самым подразумевается, что я, возможно, и не футболист, но болею за данную команду. Такое восприятие в случае войны толкает не на своё непосредственное участие в сопротивлении, а на поиски "хороших парней", которые нас защитят: либо потому что они такие добрые, либо потому что мы их наняли. То есть тут "наши" - это совсем не "мы", а какие-то другие люди, которые предоставляют жизненные блага для "нас". К этому случаю относится и расхожее: "Спасибо деду за Победу!".

"Победили - мы" - такое обозначение делает нас причастными к Победе в 1945 году и накладывает на нас ответственность за наши сегодняшние поступки, имеющие отношение к Победе. Такое восприятие, например, раскрывает регрессивный общественный переворот от коммунизма к капитализму в 90-ых годах как нашу ошибку, потому как в 45-ом мы победили, **отстаивая завоевания Великого Октября**. В этом ключе нашей причастности с Победой (когда мы говорим, что победили "мы", а не "наши"), например, написано стихотворение Николая Доризо "Баллада о русском солдате", повествующее о подвиге, запечатлённом в бронзе. Оно заканчивается так:

... И бронза вечная хранит
 Руки изгиб,
 И чуб, что жарким ветром взвит,
 Ко лбу прилип.
 Недвижным, бронзовым, литым,
 На сотни лет
 Остался, может, он таким:..
 Но нет!
 Он здесь, в толпе, он среди нас,
 Солдат-герой,
 Он тоже смотрит в этот час
 На подвиг свой.
 Глядит на выточенный шлем,
 На блеск погон,
 И невдомек ему совсем,
 Что это — он!

Употребление слова "мы", в отличии от употребления слова "наши", в своём смысле не даёт места возможному паразитизму и соответствует возможности нашего продления себя в вечности человеческого развития.

¹ Гегель, "Сочинения т.V": "Наука логики", 1937 г., стр.98, после "3.Снятие становления" см. "Примечание: выражение "снятие"".

А. Тип мотивации: "от забора и до обеда". Самоценный процесс.

- Можно что-либо делать, наслаждаясь самим процессом деятельности. При этом конечная цель деятельности уходит на второй план и оказывается как бы в тумане.
- Если человек что-либо делает "из-под палки", то в этом случае он также сосредоточен на процессе труда, а не на результате этого труда.
- Когда человек принужден насильем не к процессу деятельности, а к достижению какого-то результата, то тогда процесс деятельности может быть результатом его свободной воли, добровольно согласившейся с принуждением. В этом случае опять возможно получение наслаждения от процесса деятельности.

Для этого типа мотивации характерна близость предмета сосредоточения воли (тут этим предметом является процесс деятельности) собственно процессу деятельности. Так действует большинство живых организмов: посредством физиологических обратных связей и рефлексов. Так осуществляется, например, процесс питья.

Б. Тип мотивации: "бесконечное достижение совершенства".

В этом случае реализуется назойливая страсть достижения предельного совершенства. При этом часто не считаются с затратами времени. Цель деятельности абсолютизируется. Она абсолютизируется, в том числе, и как "конечная": то есть, что будет дальше этой цели - это во внимание не принимается. Практический смысл такой деятельности обнаруживается, например, в создании произведений искусства. В противоположность типу мотивации "от забора и до обеда", в этом типе "цель" поглощает в себе "процесс" своего достижения, являясь главной движущей силой.

В этом типе предмет сосредоточения воли (тут этим предметом является "цель деятельности") отделён по времени, отчуждён, от процесса деятельности. Необходимая деятельность этого типа у живых организмов осуществляется инстинктами. У более развитых нервной системой организмов возможно закрепление в рефлексе более удалённых друг от друга во времени **стимула и реакции**, что можно назвать "условным инстинктом". Например, антилопы долго-долго идут по пустыне, изнывая от жажды, чтобы в конце концов прийти к водопою и напиться.

Известное явление ощущения фрустрации (некоего разочарования) после достижения цели при этом типе мотивации получается из-за несоответствия объёма затраченных усилий для полученного результата реальной необходимости этого результата. С другой стороны, без такого "самообмана" деятельность могла бы совсем не осуществиться и поэтому, такой "самообман" может являться своего рода своеобразным психологическим механизмом мотивации.

В. Тип мотивации: "цель за целью для выполнения задачи". Промежуточная цель рассматривается как немедленная необходимость в общей цепи целенаправленной деятельности.

В этом подходе не только "цель", но и "задача" становится "одной из" (задач), иначе этот тип сводился бы к предыдущему типу. Тут "цель" не абсолютизируется и "степень совершенства" её достижения определяется "достаточностью" для перехода к следующей цели в рамках выполнения задачи. Этот подход представляется наиболее жизненно оправданным для всякой деятельности. Если задачей задач ставится нарисование идеальной картины, то, в этом случае, этот тип сливается с предыдущим. Это - самый неутомимый тип мотивации деятельности, потому что он подразумевает деятельность не конечную, а бесконечную. Тут высшим предметом сосредоточения воли является не процесс непосредственной деятельности (**А.**), не какая-то конечная цель (**Б.**), а процесс движения от цели к цели в рамках меняющейся целесообразности.

При этом типе мотивации непосредственная деятельность настолько отдалена от предмета сосредоточения воли (тут этим предметом, по-видимому, является идея "смысла жизни"), что требуется наличие высшей нервной деятельности, характерной только человеку. "Отдалена" - в своей непосредственности; а на самом деле тут, деятельность соотносится с предметом воли как частное с общим, как конкретное с абстрактным. Рефлектируем, что такой тип мотивации становится похожим на тип **А.** ("самоценный процесс") как отрицание отрицания. Только теперь процесс деятельности становится одухотворенным целью. На этой ступени составные понятия также преобразуются в свои высшие формы, и поэтому тут более точно смысл может быть выражен так: "Только теперь ~~процессе деятельности~~ жизнь человека становится одухотворенной целью смыслом". Если мы рефлектируем нечто, оказавшееся результатом ставшего известным вывода, то это нечто, как опосредствованное этим выводением, становится положенным.

РАЗВИТИЕ ЦЕЛЕЙ ДЛЯ ВОЛИ КАК РАЗВИТИЕ ВОЛИ

Действие можно назвать "волевым", когда в его результате приносятся в жертву непосредственные физиологические-чувственные потребности, в пользу более полного удовлетворения физиологических-чувственных потребностей в будущем или в пользу других, более развитых потребностей или целей. Например, приходится преодолевать: лень, страх, боль, страсть, желание поспать и другое.

Если медведь захотел есть - он ест. Более развитая цель подразумевает физиологическую потребность, удалённую во времени, возможно заставляя отказывать себе в текущей физиологической потребности: медведь идёт на речку и там ловит рыбу, чтобы только потом иметь возможность её есть. Дальнейшие удаления в этом опосредствовании (к примеру: медведи мигрируют в поисках речек, где можно ловить рыбу, чтобы её есть) в своей мере не меняют того качества, которое определяется конечной целью - удовлетворением физиологической потребности.

Другого рода цель для воли: продолжение рода, семья. Медведица кидается в воду, чтобы спасти медвежонка, рискуя утонуть сама: тут эта цель стоит выше "физиологических потребностей". "Нечто", для продолжения себя в ином, таком же "нечто", допускает своё отрицание. То есть, для преодоления своей естественной конечности путём рождения и воспитания детей, многие живые существа готовы к своей "и не совсем естественной конечности".

Следующий по развитости род волевых целей обнаруживается у стадных существ, когда интерес отдельной особи в стаде включает в себя интерес всего стада как целого. Так, стадо оленей сбивается в организованный круг, когда на него нападает волчья стая. В середине такого круга располагаются самки и детвора, а по периметру - те, кому должно рисковать в битве с волками.

Человеческое общество отлично от стада тем, что отдельный человек своими непосредственными органами чувств не в состоянии непосредственно воспринять всё своё общество. Он это делает через технические средства, через общественные системы производства, потребления и управления. Соответственно и воля его может вдохновляться силой в виду более развитых целей, связанных с интересами общества.

Однако, как бы ни развит был человек, его интерес не может быть шире интереса своего биологического вида, в силу своего понятия: "человек". Иначе это уже будет не "человек", а "природа", например. Какому человеку может быть интересно быть "природой" ценой "человека"? Поэтому требования "зелёных" о сохранении природы, без соображений целесообразности такого сохранения для человека, являются бессмысленными. В таких случаях эти требования, в своих конкретных вариантах, на самом деле часто лоббируют частные интересы той или иной группы лиц.

НАУКА КАК СНЯТИЕ РЕЛИГИИ

Какое-то явление, с которым человек сталкивается в процессе своей практической жизни, может быть объяснено научно и ненаучно: например - религиозно. Всякое объяснение нужно, в конечном счёте, для того, чтобы предвидеть результаты каких-то своих действий, связанных со взаимодействием с данным явлением: например, мы это явление порожаем или мы к нему приспосабливаемся. Религиозная система объяснений предполагает в качестве своих объектов такие, относительно которых практическое подтверждение этих объяснений находится за рамками жизни человека. А раз при жизни проверить религиозные догматы нельзя, то тогда остаётся только в них верить: после жизни, наконец, человек получит это подтверждение своей веры.

В науке, всякое научное выведение имеет промежуточные результаты в бесконечной цепи познания, которые оформляются в понятиях. Понятия - это как коробочки, внутри которых находятся предшествующие выведения. В дальнейшем развитии выведения эти понятия используются уже как исходные данные, содержание которых - фиксировано. Тут кроется источник возможных ошибок последующего выведения, поскольку, на самом деле, при дальнейшем выведении претерпевает некоторую метаморфозу и предшествующее выведение. Это происходит в силу того, что развивающееся наше понимание каждый раз чуть по-новому видит всё предшествующее выведение. Пока эта метаморфоза старого не переходит принципиальные границы, понятия, обозначающие это старое, могут использоваться как "неизменные". Такое "ступенчатое" выведение с одной стороны - является оптимизирующим механизмом мышления, а с другой - отражает "ступенчатость" устройства материального мира. Первое не работало бы без второго. С другой стороны: если бы мир был хаотичен и расплывчат, то его не только познавать нельзя было бы никакими механизмами, но и жить вообще тоже было бы невозможно. Фиксация результата предшествующего

выведения в понятии, для его использования в последующем выведении, происходит при помощи механизма веры: ассоциативной связи в памяти "понятия" с его проявлениями. Замечаем, что в "обыденном мышлении" с "понятием" ближайшим образом как раз связывают ассоциированные с ним его "проявления", а не его выведенческое происхождение.

В религии нет многоступенчатого выведения, поскольку там одна ступень, и та - не проверяемая практически. Принимая во внимание то, что с первобытных времён религиозные служители были сравнительно освобождёнными от непосредственного производства членами общества, занимающиеся ответами на вопросы паствы: "почему?" и "доколе?", можно предположить, что религия была пранаукой. В ней, с одной стороны, накапливались положительные знания (например, об астрономии и математике), а с другой - развивался инструментарий познания, в последствии перешедший в науку: это и письменность, и книгопечатание, и первые научные приборы.

Наука рождалась из религии с большим трудом: монахов, становящихся учёными, преследовала инквизиция, их сжигали на кострах. Для этого рождения науки из религии понадобилась целая эпоха просвещения (18-ый век). Сейчас мы живём в мире науки, а религия осталась как сегодняшнее бутафорское обозначение своего первобытного значения: так же, как королевские титулы в империалистической Англии. Но в отличие от королевских титулов, религия иногда используется в старом значении: в интересах тех или иных влиятельных групп лиц. Это начинает происходить, когда в общем прогрессе человечества отдельные общества претерпевают потрясения деградации.

Масштабы охвата общества понятиями "государство", "религия" и "наука" - разные. "Государство" охватывает территорию общего хозяйствования людей. "Государства" обособлены друг от друга из-за различий географических особенностей территорий и из-за особенностей исторического развития племён, национальностей, государств. "Религия" выходит за границы государств, охватывая географические территории, сопоставимые с Частями Света. Общее основание единства какой-либо религии у какой-то группы государств, видимо лежит также в общности экономических интересов и в относительной обособленности исторических развитий, но на более масштабном уровне. "Наука" же является единой для всего человечества, потому что связана с таким всеобщим основанием, как материя, которую человек в своей практике приспособливает для своей жизни. Наука будет нас объединять и с инопланетными цивилизациями, если нам удастся найти друг с другом для более сподручного совместного осваивания космоса для развития разумной жизни любой формы.

Если мысленно от "науки" вновь вернуться к "государству" и "религии", то они теперь становятся более выраженными как инструменты порабощения и эксплуатации одних человеческих обществ другими; инструменты, которые маскируются какими-то "возвышенными идеями своего предназначения", апеллирующими к мечтаниям человека о своём духовном совершенстве. Я могу дать милостыню нищему. Но лучше поспособствовать такому преобразованию общества, в результате которого эти нищие станут жить по-человечески и станут радоваться своей производительной деятельностью, нужной всем. Тем самым это будут уже не нищие, а наоборот - богатые. Когда мы переходим от понятия "нищий" к понятию "богатый", то как будто бы имеем **общее основание**, представляющееся нынче обыденному сознанию как "имение в частной собственности много материального того, что хочется иметь для своей отдельной радости и развлечения". Но такое **общее основание** происходит от такого общественного бытия, когда в обществе есть нищие. Понятие "богатый" при развитии общества всё-таки трансформирует это **основание**, перенося акцент с материального на духовное: при материальной достаточности своего личного обеспечения, человек будет богат духовно в своём постоянном самосовершенствовании как такого человека, который составляет общество. Понятие такой грядущей эпохи - коммунизм.

ЧТО ТАКОЕ ИСТИНА: КРИТИКА КАРТИНКИ

Если для конкретной практики от изображённого на картинке "нечто" нужна круглота, то в успехе пользования круглотой это "нечто" будет осуществлено в своей конкретной истине: как круглое для данной практики. В отрыве от практики, про что угодно можно сказать, что мы видим лишь проекцию, а не истину и, таким образом, - быть в плену у агностицизма и теологии.

Мышление о мышлении.

"РЕФЛЕКТИРОВАННОЕ - ПОЛОЖЕННОЕ" и "ОБЫДЕННОЕ - НАУЧНОЕ"

Когда мы говорим о "**рефлексии**", то тогда речь может идти об **обыденном мышлении**, когда действуют чувственные ассоциации понятий, воспитанные правилами языка, вобравшими положительный опыт практической жизни человечества как отражение материального мира. Понятия языка отражают материальный мир в его практической значимости для жизни человека. Взаимообусловленность понятий языка есть отражение взаимообусловленности в материальном мире или, другими словами, отражение единства материального мира. Если рефлексировать эти взаимообусловленности понятий в понятиях же, то получится "**полагание**" той или иной конкретной взаимообусловленности и тогда речь идёт о **научном мышлении**.

"Рефлектированное" - это когда что-то обнаруживается, как уже имеющееся. "Положенное" - это когда что-то выводится, как результат. То есть, "положенное" это такое, которому "положено" быть: при данных условиях, данных основаниях, данной предыстории развития². Когда, выражаясь армейским сленгом, чему-то таким образом "быть положено", то оно и есть. Но то, чему "быть положено", в понятиях выражается относительно абстрактно. А вот что на самом деле оказывается как то, "чему быть положено", то - конкретное воплощение этого "положенного". Если же мы что-то обнаруживаем пока без имеющегося полагания (объяснения), то мы его называем тем понятием, которое ассоциативно пришло нам в голову: сообразно практической необходимости, из-за чего произошло наше сосредоточение на данном предмете, как таком, которое мы называем так, как его увидели. Тут работает обыденное мышление, происходит "рефлексия".

Итак, "**рефлектированное**" можно понимать, как такое, которое видится в терминах (понятиях) обыденного сознания. **Это** же, будучи силой научного вывода обоснованным быть таковым, каким оно видится, с добавлением этого вывода, - **есть** "положенное".

Приведём пример, в котором выводение, как опосредствование нашего восприятия мира в нашем воздействии на мир, сведено к минимуму (или его вовсе нет или оно сведено к "атомарному" акту мышления). Например, мы видим что-то, похожее на кружку: "мы видим кружку". Мы определяем это как "кружку", в соответствии с ассоциациями нашего предшествующего опыта. Так мы "рефлектируем". Теперь мы будем материально практиковать: наливаем в эту кружку воду и пьём. И теперь мы убеждаемся, что это действительно - кружка, а не какая-нибудь видимость или реквизит фокусника. И теперь, то, что это "кружка", становится "положенным".

Всякое, в том числе и абстрактные понятия, может иметь вышеописанную двойственность в нашем восприятии: **что-то** мы воспринимаем так, как мы это **что-то** узнаём, а с другой стороны, может быть произведено обоснование этого нашего узнавания [и(или) этого **что-то**]. В первом случае мы говорим о бытии, названном названием понятия, во втором случае мы говорим о понятии - как бытии, обоснованном сущностью.

Авторы публикаций в номере:

Булгаков Александр Юрьевич (ioj@mail.ru),
Доризо Николай Константинович (1923-2011), советский поэт.

Адрес в Интернете: <https://wr-nsk.ru/gegel-v-dejstvii/>

2 Перечисление через запятую может иметь смыслом, кроме перечисления разных предметов, ещё и перечисление синонимов одного и того-же. Поэтому, перечисление: "...при данных условиях, данных основаниях, данной предыстории развития..." может подразумевать, что: "данные условия, основания и предыстория - входят друг в друга". Если же в исходное перечисление поставить соединительные союзы "и", то это настолько разъединит соединяемое, что такое подразумевание уже не возникает.